

Н.М.Плискевич

Институт экономики РАН

“Path dependence” и институциональные ловушки мобилизационной модернизации

Тема необходимости модернизации российских общества и экономики, хотя и оказалась в последнее время отодвинутой на задний план, тем не менее объективно остается самой насущной. Известный китайский ученый Хэ Чуаньци, разработавший оригинальную методiku, которая позволяет сопоставлять уровни модернизации 131 страны мира, подчеркивает: «Модернизация одновременно является всемирным трендом и социальным выбором... те, кто не могут принять модернизацию и предпочитают сохранять традиционный или существующий уклад жизни, все равно испытают социальные перемены, при этом разрыв в уровнях материальной обеспеченности существования между ними и лидерами цивилизации будет становиться все больше и больше» [Обзорный доклад... 2011, с.34].

И хотя в последнее время разговоры о модернизации страны поутихли, нельзя сказать, что в общественном мнении потребность в ней не просматривается. Так, в 2015 г. 58% согласились с тем, что нашей стране важнее быть экономически сильной, чем сильной в военном отношении [Общественное...2016, с.36]. То есть осознание необходимости преодоления экономического отставания характерно не только для тех 15 – 20% населения, которые, согласно многим опросам, образуют устойчивую группу сторонников либеральных модернизационных преобразований.

Все это свидетельствует, что запрос на модернизацию в российском обществе существует. Другое дело, что представление и о сути данного процесса, и о способах его реализации весьма неопределенны. Но в целом можно говорить о востребованности российским обществом изучения модернизационной проблематики и создания «дорожной карты» преобразований. Даже то, что большинство населения сегодня полагает правильным учет в этой «дорожной карте» прежде всего «особого пути» России, не противоречит общему стремлению к переменам. Ведь, по сути, у

каждой из ныне развитых стран был свой «особый путь» к успеху, опирающийся на ее специфику, особенности истории и культуры, географическое положение, наличные природные ресурсы и т.д. А это, в частности, означает, что при разработке социальной политики государства, призванной вовлечь население страны в модернизационный процесс, нельзя игнорировать специфику пройденного ею пути. В противном случае очередная попытка прорыва окончится неудачей.

Процессы модернизации идут асинхронно, неравномерно, а потому их статус на модернизационной шкале не является раз и навсегда данным. Если одни вырываются вперед, то другие (даже развитые) страны могут потерять свои позиции. При этом, как показывает сопоставительное исследование Хэ Чуаньци, большинство из анализируемых стран не перемещается по шкале развитости и, по-видимому, удовлетворено своей позицией (см.[Обзорный доклад... 2011, с.109]). Во всяком случае, эти страны не предпринимают существенных усилий, чтобы перейти на более высокий уровень модернизационной иерархии. Можно предположить, что и в их руководстве, и в обслуживающей его интеллектуальной элите тема *path dependence* как препятствия модернизационному рывку не является приоритетной.

Другая ситуация возникает тогда, когда страна, и прежде всего ее лидеры, осознают свое отставание, ощущают его как угрозу будущему или ставят перед собой амбициозные задачи прорыва на более высокие уровни развития. При этом их вдохновляют явные примеры гораздо более успешного развития прежде всего в военно-технической и в международно-политической сферах. У руководителей таких стран возникает естественное желание преодолеть отставание от лидеров, одним мобилизационным рывком.

Как правило, в такой ситуации объектами заимствования оказываются прежде всего новые технологии, новые способы организации производства или же более рациональное устройство государственного аппарата, которые уже принесли странам-образцам очевидный военно-технический успех. Однако тут перед странами-реципиентами и их руководителями, искренне

преисполненными самих благих намерений, быстро возникает проблема: имплантируемые из другой, как правило, более сложной реальности формы жизнеустройства на новой почве дают совсем иной эффект, нежели тот, на который рассчитывали реформаторы.

Ситуацию усугубляет и то, что начинающиеся преобразования нередко тормозят не только и не столько проигравшие от реформ, сколько ранние, промежуточные, выгодоприобретатели, выигравшие в результате частичных реформ, открывших им доступ к различным видам ренты. Итогом, как правило, становится крах «относительно дифференцированной и современной институциональной основы», замена ее «более примитивными институтами» или вступление страны «в порочный круг провалов и срывов, зачастую влекущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость, а также системную угрозу способности вбирать в себя новые веяния» [Эйзенштадт 2010, с.46].

Описываемая ситуация достаточно типична для стран, пытающихся совершить модернизационный рывок на основе мобилизационной стратегии. В ходе такого рывка страна, хотя и способна в достаточно короткие сроки воспринять технологические новшества (правда, далеко не все) у вырвавшихся вперед государств, но достаточно быстро сталкивается с тем, что воспринятые технологические нововведения требуют и соответствующего им уровня социальных и культурных перемен. Их успешное развитие предполагает наличие той институциональной среды, в которой они успешно функционируют в развитых государствах. Более того, именно наличие такой институциональной среды создает условия для расширенного воспроизводства и саморазвития тех технических новшеств, которые так привлекают властные элиты, мобилизующие ресурсы страны на очередной модернизационный рывок.

Однако при механических заимствованиях технологий и институтов из развитых стран не учитывается, что их современные институты – результат длительного эволюционного развития. Попытка «привить» их к реалиям общества, находящегося на более ранних этапах этой эволюции (или на ином,

параллельном, пути эволюционного развития), изначально чревата проблемой совместимости новых институтов и укоренившихся ценностей, обычаев, норм поведения и т.п. И сама властная элита оказывается к этому не готова. Более того, новые институты противоречат привычным для нее принципам управления в частности и организации всей социальной жизни вообще. Они вступают в противоречие и с теми инструментами, которые использует власть для мобилизации ресурсов страны, чтобы совершить необходимый рывок. И социальные напряжения в ситуации мобилизационных рывков, как правило, возникают не из-за того (или не только из-за того), что на неподготовленную почву внедряются чуждые институты, а из-за того, что *необходимые властным элитам технические и организационные новации насаждаются методами, привычными для устаревшей системы.*

Кроме того, надо учитывать, что попытки провести инструментальные изменения с опорой на традиционную институциональную структуру достаточно тяжело сказывается на последней. История «догоняющих» стран, особенно тех из них, которые неоднократно предпринимали попытки мобилизационных рывков, накладывает свой отпечаток на институциональную структуру страны. И эти «институциональные рубцы» прошлого со временем создают проблемы, гораздо более серьезные, чем те, с которыми когда-то сталкивались развитые страны, прошедшие свой эволюционный путь. Они существенно осложняют продвижение вперед стран-аутсайдеров. Все это в худшем случае ведет к срыву модернизационных попыток, а в лучшем - вынуждают искать нетривиальные решения для преодоления последствий неудачных попыток вырваться из ситуации отставания, возможно, предпринятых за несколько веков до этого.

Такие «институциональные рубцы» становятся обратной стороной мобилизационных попыток преодоления технологического отставания, особенно болезненного для властей в военно-технической сфере, которые не могут не опираться на господствующий в стране традиционалистский социальный фундамент. Тем более, что сами мобилизационные принципы,

прежде всего на этапе индустриальной модернизации, соответствуют именно такой социальной организации общества. Однако подобное расхождение целей и средств их достижения приводит к тому, что результаты модернизационных усилий даже в технологической сфере оказываются совсем не такими, на которые рассчитывали реформаторы. А.Вишневский, проанализировавший различные аспекты «консервативной модернизации» в СССР, приходит к выводу, что при всех успехах в технологической сфере страна столкнулась с недореформированностью в сфере социальной (и урбанизационной, и социальной, и политической) [Вишневский 1998].

Думается, однако, что в данном случае речь идет не о незавершенности модернизационных процессов, а *об ужесточении институциональных конструкций традиционалистского типа*, при опоре на которые власти, с одной стороны, пытались осуществить необходимый для них мобилизационный рывок в технологической, инструментальной сфере, а с другой – сохранить стабильность властных конструкций. Это ставит особые проблемы перед новыми поколениями реформаторов, которым важно осознать, наносился ли предшествующими мобилизационными рывками в институциональном плане ущерб эволюционному развитию страны. И если таковой наносился, то можно ли выделить те элементы, которые были травмированы, чтобы попытаться в ходе будущего развития постараться их исправить или хотя бы нейтрализовать.

При создании новых институтов, как правило, заимствуемых из стран, дальше продвинувшихся по модернизационному пути, соображения экономической эффективности нередко заслоняются теми или иными трактовками «общественной полезности» или «целесообразности». В результате страна сталкивается с такими явлениями, как дисфункция институтов или институциональная ловушка. Под последней понимается неэффективная норма, причем она «неэффективна по сравнению с другим институтом, в принципе возможным в той же самой институциональной среде, в тех же самых условиях» [Полтерович 2007, с.78].

Российская история дала ряд примеров специфических

институциональных ловушек, с которыми не сталкивались передовые страны, прошедшие свой эволюционный путь развития. Они деформировали процессы эволюционного развития, внесли свои коррективы в общий ход эволюционных процессов, порождая новые институты или укрепляя старые, причем используя для этого специфические элементы, взятые из арсенала передовых стран. И вся их совокупность поддерживала традиционалистские устои в жизни общества как устои, на которые опирались инструменты мобилизации населения (нередко насильственные), направленные на осуществление очередного рывка. В результате страна, резко рванувшая вперед прежде всего в технико-экономическом плане, затем столь же резко сбавляла темпы развития и долгие десятилетия (а то и века) мучительно пыталась избавиться от некогда порожденных мобилизационной необходимостью институциональных изменений.

В историческом плане наиболее яркий пример мобилизационного рывка с целью овладеть передовым технологическим инструментарием Запада для достижения военного паритета с западными соперниками стали петровские реформы. Известно, что при всех традиционных устоях потребность в прозападных преобразованиях к концу XVII в. явно назрела и была осознана. Как отмечал В.Ключевский, «реформа сама собой вышла из насущных нужд государства и народа». «Еще важнее, что уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом совпадавшая с реформой Петра, во многом шедшая дальше ее». Причем над этой реформой еще до Петра «думали умы нового склада, успевшие вырваться из древнерусского круга понятий» [Ключевский, лекция 68].

Трудно сказать, по какой траектории могли бы идти намеченные предшественниками Петра I преобразования, если бы они реализовывались постепенным, эволюционным путем. Ключевский полагает, что они могли рассредоточиться на целый ряд поколений. Однако и обстоятельства, связанные с военными действиями, и личные качества Петра I, тем более, что его царствование началось с военных поражений, толкали на мобилизационный

путь, который, будучи необходимым с военной точки зрения, в то же время не предполагал глубоких социальных трансформаций (в период военного напряжения не до них). В таких условиях, требовалась, опора на привычные, а потому и комфортные для большинства традиционные институты и социокультурные стереотипы. И чтобы разрешить эту задачу, *традиционалистские институты должны были быть не просто использованы в мобилизационных целях, но ужесточены, укреплены, в них необходимо было добавить элементы, с помощью которых они сохранили бы свою стабильность и в ситуации соседства с заимствованными извне институтами и технологиями.* Такими институтами, являвшимися несущими конструкциями сложившегося к тому времени российского уклада, были самодержавие и крепостничество. Эти институты «как институты, которые сдерживают развитие, начинают использоваться в качестве инструментов его принудительного ускорения» [Аузан 2007, с.417].

Причем для укрепления позиций самодержавия использовались привнесенные из западных моделей бюрократические институты государственного управления (см., например, [Оболонский 1997, с.66]). В то же время такое мобилизационно обусловленное построение государственного управления оказывалось внутренне ущербным. Ю.Лотман писал: «...петровское государство надежно защитилось от всяких случайностей системой законов, указов, приказов. Однако парадоксальным образом обилие правил обернулось хаосом. Законов издавалось исключительно много, и в этой путанице отменяющих и уточняющих друг друга государственных установлений можно было лавировать» (тут, кстати, вспоминается законотворчество последних лет). И далее: «Слово «чин», по сути дела, разошлось в значении с древнерусским «порядок», ибо подразумевало упорядоченность не реальную, а бумажную, условно-бюрократическую» [Лотман 1994]. Таким образом были укреплены самодержавные традиции отечественной культуры. Но вместе с тем они обрели черты привнесенные, имеющие западные корни. И эти новые черты стали главенствующими в новой самодержавной конструкции, усовершенствованной

в соответствии с мобилизационным императивом. При этом важно отметить, что укрепление самодержавных традиций становится серьезным барьером для проведения реформ даже в случае, если сам самодержец осознает их необходимость. Во-первых, самодержавие способствует массовому процветанию патернализма, причем в наиболее архаичных его формах, а такая атмосфера неблагоприятна для внедрения инноваций. Во-вторых, самодержавие как форма организации общества препятствует распространению различных форм гражданского общества – также одного из необходимых компонентов социально-культурной модернизации..

Тот же мобилизационный императив диктовал требования к крепостническим институтам. Они были использованы как метод организации необходимого в военных целях промышленного производства. Но перенося логику крепостнических отношений в промышленную сферу, Петр заложил основы для искажения институционального развития промышленности страны. Это ставило свои специфические преграды для ее буржуазного развития и в XVIII, и в XIX в. Такие изменения, с одной стороны, опирались на типичные для страны социальные устои, но с другой – не были им имманентны, а привнесены в результате действия совокупности обстоятельств, связанных с необходимостью мобилизации усилий для победы над военным противником. В результате традиционалистские институты в стране обрели особую прочность. Причем прочность эту им придали элементы, привнесенные из, казалось бы, противоположных, западных, образцов.

За два последующих века петровские «рубцы» полностью не рассосались. В результате страна рухнула в пучину новой по сути самодержавной власти уже в форме большевистской диктатуры. Этот путь, разумеется, можно рассматривать и как следование «особой институциональной матрице». Но если учесть постоянное стремление страны к ориентации на более прогрессивные, западные, образцы и известные попытки серьезных реформ, следующих этим образцам, то вполне логичной представляется эволюционная теория развития страны, но существенно осложненная институциональными дефектами,

которые были обусловлены неподготовленными мобилизационными рывками в ходе поступательного развития.

В выстраивании советской модели хозяйствования просматриваются не только образцы, тяготеющие к «азиатскому способу производства», но прежде всего идущий от западной модели вариант государственно-монополистического капитализма. Думается, мы в своей истории реализовали один из возможных вариантов индустриальной модернизации, развития капиталистической системы, зачатки которого просматривались и на Западе на рубеже XIX – XX вв. Затем они, не ограниченные антимонопольными мерами в мобилизационных условиях Первой мировой войны обрели, особенно в Германии, четкие очертания, вполне удовлетворяющие большевиков как образец организации хозяйственной жизни. Напомню известный пассаж В.Ленина, писавшего в 1917 г., что государственно-монополистический капитализм «есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» [Ленин, с.193].

Таким образом, сам генезис советской хозяйственной системы был обусловлен особенностями мобилизации ресурсов страны в военное время. И впоследствии эта мобилизационная модель была принята как основа всей советской социально-экономической системы. Не вдаваясь в историю вопроса и обсуждение проблем целесообразности нового мобилизационного рывка и возможностей достижения тех же целей иными методами, наметим лишь те основные институциональные ловушки, в которые попала страна, а также последующие ловушки, появившиеся в результате того, что был избран неудачный вариант выхода из ловушек предшествующих.

Здесь ключевой ловушкой видится основополагающий институт новой системы – «общенародная (государственная) собственность» на средства производства, как она тогда именовалась и в Конституции СССР, и в официальных документах. Нельзя не признать, что с позиций мобилизационной

экономики, концентрирующей ресурсы на выбранных властью направлениях, тотальное обобществление средств производства рационально. В то же время концентрация усилий в одних областях, прежде всего связанных с ВПК, вела к застою и даже деградации других сфер деятельности, как правило, обеспечивающих обслуживание населения. Со временем (к 1950-1960-м гг.), когда стала очевидной невозможность удержания потребления населения на прежнем крайне низком уровне и были начаты «косыгинские реформы», в экономику страны стала поступать во все больших масштабах наличная денежная масса в виде выплачиваемых зарплат, пенсий, денежного довольствия разного рода силовиков, стипендий, пособий и т.п. Но официальная экономика, ориентированная на прежние приоритеты, не могла обеспечить этот растущий платежеспособный спрос соответствующими товарами и услугами. В результате монополия «общенародной (государственной)» собственности начала исподволь размываться собственностью частной, но нелегальной. Эта нелегальность ширящегося потока товаров, производимых «теневиками», и полуподпольных услуг, которые к 1980-м гг. уже вылились в то, что получило название «теневой экономики», на мой взгляд, породило одну из институциональных ловушек, связанных с выходом из господства «общенародной (государственной)» собственности на средства производства. Ибо сама специфика теневой экономики, подкрепленной нелегальными же отношениями с отдельными представителями силовых структур, породила свои нормы, правила, институты. С началом рыночных реформ 1990-х гг. они наложили свой существенный отпечаток и на вновь формируемые институты рыночной экономики, и на деловую культуру, и даже на социально-психологические особенности российского предпринимательства.

Но главной проблемой в рассматриваемой сфере стала необходимость приватизации огромного массива «общенародной (государственной)» собственности. По сути, она была решена, исходя не из экономических критериев, а из идеологических: идеологема «общенародной (государственной)» собственности была заменена идеологемой «народной

приватизации». Но такое отступление от экономической рациональности неизбежно вовлекает процесс в институциональную ловушку. В результате институциональная ловушка всеобщего обобществления во имя мобилизационного рывка была заменена на ловушку «народной приватизации», создававшую ситуацию, при которой под лозунгами «возвращения собственности народу» произошел перехват подавляющей ее части управленческим корпусом и близкими к нему структурами. В итоге это вылилось в нелегитимность всего процесса в народном сознании.

Еще одна важная проблема, заложенная в нашу историю советским мобилизационным рывком, связана со способом, которым власть распределяла и оценивала имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, с господствующими представлениями о «рентабельности социалистического производства». При отсутствии конкурентной среды государственный монополизм создавал условия для того, чтобы основой экономического развития становилось не получение прибыли за счет совершенствования технологий, ведущих к росту производительности труда и, соответственно, экономии дорогого трудового ресурса, а «рачительное», т.е. «экономное» вложение в основные и оборотные средства. Для этого достаточно было «в плановом порядке» установить низкие цены на первичные ресурсы производства – сырье, энергию, рабочую силу, что долгие годы блокировало потребности быстрой модернизации основных производственных фондов для повышения эффективности производства, снижения показателей его фондо-, материало-, энерго- и трудоемкости.

Такая система могла существовать только в условиях закрытой экономики. С началом рыночных реформ и открытием отечественной экономики миру «выяснилось», что используемые ею первичные ресурсы, прежде всего топливо, энергия и сырье, в рыночных условиях имеют гораздо более высокую цену. Это поставило в крайне сложное положение предприятия, у которых резко возросли издержки на приобретение данных компонентов производства в ситуации жесткой конкуренции с их возможными зарубежными покупателями. Единственным фактором производства, на котором по-прежнему

можно было экономить, оставалась рабочая сила, так как естественный ее защитник – профсоюз у нас был (и по-прежнему остается) встроенным в структуры власти и находящегося в союзе с ней бизнеса.

Тут мы сталкиваемся еще с одной институциональной ловушкой, сформировавшейся в советской экономике, которую можно охарактеризовать как «система низких зарплат» (подробнее см. [Плискевич 2010]). Это была достаточно сложная конструкция, направленная на общую минимизацию затрат на рабочую силу. В ней ограничения прямых выплат населению компенсировались и многоуровневой структурой получения разного рода благ либо бесплатно, либо по символической цене как из общегосударственных, так и из ведомственных источников, и минимизацией цен в важнейших сферах потребления – продовольственной, жилищной, транспортной. Причем «провал» одного из компонентов этой структуры компенсировался за счет других. Например, необходимость повышения цен на продовольствие в начале 1960-х гг. было компенсировано соответствующим ростом зарплатного компонента.

Важнейшая проблема реформ 1990-х гг. заключалась в том, что «рухнули» сразу все составляющие этой конструкции, и такое крушение не были в состоянии компенсировать стандартные меры социальной политики, заимствованные из практики развитых стран, даже с «социально ориентированным рыночным хозяйством». Кроме того, ситуация осложнялась укоренившимися неформальными нормами и правилами, с помощью которых свои проблемы решали и работодатели, и работники, одновременно наращивая проблемы государства, обремененного традиционными для страны социальными обязательствами.

Разумеется, данную проблему можно решать и эволюционным путем на основе структурной перестройки экономики, ее качественного технологического перевооружения, ведущего к резкому росту производительности труда и, соответственно, экономически обоснованному повышению зарплаты. Однако этот путь требует и массивных инвестиций, и высокой деловой активности, чего пока у нас не наблюдается.

В то же время, попытки выстраивания социальной политики (да и экономической политики в целом) без учета последствий советской специфики предоставления населению средств потребления (как материального, так и духовного) оказываются либо безрезультатными, либо в итоге обходятся гораздо дороже предварительных расчетов. К последним можно отнести реформу «монетизации льгот» 2005 г., когда вышедшие на улицы пенсионеры заставили пересмотреть первоначальные правительственные выкладки, что в результате обошлось во многие незапланированные миллиарды рублей, а натуральные льготы так и не были полностью отменены. Сейчас можно ожидать серьезных всплесков недовольства в связи с ростом оплаты ЖКХ, с дополнительным обложением граждан расходами на капитальный ремонт жилищ. Да и скандалы начала 2015 г., спровоцированные отменой пригородного железнодорожного сообщения, или отмена с 1 августа 2015 г. бесплатного проезда в московском транспорте для подмосковных пенсионеров свидетельствуют о той же проблеме. Тут, кстати, выявляются и дефекты реформирования государственных монополий, не учитывающие их традиционной социальной роли (например, люди не просто не хотели оплачивать возросшие аппетиты РЖД, они фактически не могли это делать, по-прежнему находясь в рамках «системы низких зарплат», унаследованной от прошлого).

Перечисленные (и многие другие) дефекты современной российской социально-экономической ситуации по сути своей являются следствием советского мобилизационного рывка, результатом которого стали институциональные ловушки, не знакомые развитым странам. Они ставят задачи поиска оригинальных путей выхода из них, учитывающего, в конечном итоге, магистральную цель развития – модернизацию отечественной экономики, построения ее на современной – постиндустриальной информационной основе.

Совершенно справедливо было отмечено: «Поскольку... модернизация представляет собой не задачу, которую можно решить по определенной

универсальной формуле, а проблему, с которой одни страны сумели справиться, а многие – нет, можно сказать, что *ключом* к ее решению служит *определение национально-специфической формулы модернизации*» [Аузан, Келимбетов 2012, с.42]. К сказанному следует, однако, добавить, что при построении этой «национально-специфической формулы модернизации» необходимо учитывать также особенности тех «институциональных рубцов», которые были нанесены ее развитию предшествующие попытки мобилизационных рывков. Можно сказать, что в этом состоит одна из особенностей отечественного «особого пути» к современному постиндустриальному информационному обществу, пути, отягощенному историей ряда модернизационных срывов мобилизационного толка. С этих позиций следует подходить и к поиску новых нестандартных форм, призванных сближать российскую институциональную структуру со структурой стран-образцов. Этот поиск должен учитывать не только органичные для нас социокультурные особенности, но и способы нейтрализации последствий предшествующих мобилизационных рывков.

Литература

Аузан А. (2007) Пора решиться на переучреждение государства // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство. С.407-422.

Аузан А., Келимбетов К. (2012) Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. № 5. С.37-44.

Вишневский А.Г.(1998) Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 68. Значение реформы Петра Великого (<http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm>).

Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.34.

Лотман Ю.М. (1994) Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XX в.). Часть первая. Люди и чины. СПб.: «Искусство – СПб.» (http://www.info/bibliotek_buks/history/Lotman/01.php).

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) (2011). Главн. ред. Хэ Чуаньци; отв. ред русского издания Н.И.Лапин. М.: «Весь Мир».

Оболонский А.В. (1997) На службе государевой: к истории российского чиновничества // *Общественные науки и современность*. № 5. С.63-76.

Общественное мнение - 2015. Ежегодник (2016). М.: Левада-Центр.

Плискевич Н.М. (2010) «Система низких зарплат» – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С.125-146.

Полтерович В.М. (2007) *Элементы теории реформ*. М.: «Экономика».

Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации (2010) // *Неприкосновенный запас*. № 6. С.42-67.